

18+

ПОСЛЕДНИЙ СОН

МИСТИ
ЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

КОНСТАНТИН МАЛАХОВ

Константин Константинович Малахов

Последний сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63062077

SelfPub; 2021

Аннотация

Каждую ночь Максиму Денисенко, разработчику игр, во сне является жена, которая погибла в автокатастрофе. Однажды, проснувшись он обнаруживает вещь из сна в своем реальном мире. Пытаясь найти разгадку, он понимает – его супруга пытается выйти с ним на контакт, просит о помощи. В приключении у Максима появятся интересные союзники, но и неожиданные препятствия. Ему придется преодолеть Барьер между мирами, разобраться в собственных чувствах, но чем это для него закончится? И что находится по ту сторону его мира? Насколько сильна его любовь к жене?

Содержание

Глава 1. След	4
Глава 2. Аналитик–терапевт	11
Глава 3. Барьер	24
Глава 4. Друг–незнакомец	32
Глава 5. Свидание на кладбище	47
Глава 6. Дачные заботы	61
Глава 7. Космос в гараже	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Константин Малахов

Последний сон

Глава 1. След

Это была самая прекрасная улица на свете. Она вела куда-то в бесконечность. Жёлтое вечернее солнце заливало деревья, которые в свою очередь играли с его лучами в калейдоскоп, раскидывая по асфальту солнечные зайчики. Жена Максима шла немного впереди, подставляя лицо теплу. Вокруг царил тишина, изредка нарушаемая пением птиц или легким дуновением ветра. Не было ни машин, ни людей и всё это совершенно не озадачивало Максима. «Дьявол кроется в деталях» – была одной из его любимых поговорок. Он справедливо считал, что не всегда нужно этого самого дьявола высматривать. Пускай себе прячется. Вот так и сейчас: идиллический пейзаж, словно кадр из американского фильма 50-х годов, Юля – его жена – счастливая, никто не мешает, некого стесняться. Юля остановилась и, повернувшись к Максиму, с игривой улыбкой посмотрела ему в глаза. Он непроизвольно улыбнулся в ответ.

– А не хочешь ли сходить прогуляться в парк? – неожиданно предложила супруга и снова хитро растянула губы, как

будто «сходить в парк» было шифром к пропозиции удивиться.

– В какой парк? – искренне удивился Максим. У них не было какого-то обычая вышагивать в рекреационных зонах, и они оказывались там разве что проходом.

– Ну вот в этот, с аттракционами, – Юля жестом фокусника вытащила из-за спины билет и вручила Максиму.

Мужчина удивленно повертел бумажный прямоугольник в руках. Он никогда не видел подобного билета, а в указанной зоне отдыха и развлечений, если он верно помнил, вообще ни разу не бывали.

– погоди, это тот, который в Камброде?

Ответить его жена не успела.

Откуда-то издалека, из-за самого горизонта возник свет фар. Макс не мог разглядеть, что это за машина, но даже при солнечном освещении её направленные фонари горели очень ярко. Нестерпимо ярко. Макс сощурился от бившего в глаза луча. Он поискал взглядом супругу и не найдя крикнул:

– Юля!

Она плавно выплыла из этого ослепляющего потока и, улыбнувшись, начала растворяться в воздухе. Макс обратил внимание, что мир вокруг стремительно темнеет, оставляя его освещенным невидимой машиной. Он попытался уйти из этого света в окруживший мрак, поискать там Юлю, но не мог сдвинуться с места, словно незримый кукловод дергал

веревку и говорил – смотри только на свет.

Внезапно тишину стал резко вытеснять громкий гул, заполняя собой все пространство. Максимум очень хотелось зажать уши, чтобы ничего не слышать. Гул сменился резким скрипящим звуком тормозов, пронзительно–высоким, причинявшим физическую боль Максиму. Он хотел бежать, отпрыгнуть, сделать хоть что-то, но вот из сплошной стены света показался его источник. Две фары, как глаза хищника, пронзили Макса своим лучом и страхом, загипнотизировав не хуже, чем удав кролика. Они всё приближались и всё ускорялись, летя в него двумя горящими кометами. Макс хотел кричать, но воздух из лёгких пропал. Он старался, но горло выдавливало лишь какие-то мычания, и то с трудом. Фары влетели в него, ослепив, но свет движется быстрее всех остальных физических явлений, и, несколько мгновений спустя, раздался самый ужасный звук, который Максим когда-либо слышал. Это была смесь скрежета металла, страшно громкого хлопка, крика, треска рвущейся ткани. Из всего этого кто-то создал жуткую симфонию, от которой у него начало сдавливать голову. Он чувствовал, что через секунду просто умрёт, раздавленный звуковой волной.

И тут он проснулся. Снова.

Этот сон приходил к Максиму Денисенко почти каждую ночь. Он уже и не помнил (или не хотел помнить) сколько

времени прошло с той самой аварии. Он не помнил её детали и не желал восстанавливать их в памяти, но услужливый разум делал это сам. Во время сна, когда был свободен.

Макс сел на кровати и потёр глаза. Они болели. Как будто ещё помнили тот самый свет. Он огляделся. Все обычно для последних месяцев: размётанная постель, сам почему-то в верхней одежде. И что странно – когда Макс пытался вспомнить, что помешало ему раздеться перед сном, то у него это не выходило. Алкоголь он не употреблял. Рядом с кроватью валялась газета. Тоже непонятно каким образом сюда попавшая. В общем, провалы в памяти беспокоили Макса все сильнее.

«Схожу с ума» – буднично подумал он, споласкивая лицо над умывальником.

Привычными действиями Макс готовил себе кофе, если можно назвать готовкой добавление кипятка к порошку. Такой её рисовали для людей будущего фантасты: быстро, питательно, без усилий. Ну и не ошиблись как минимум в двух пунктах. Кухню Максим не трогал, хотя ему уже нужно было процентов двадцать от её функциональности. Вскипятить воду в чайнике, выставить время и режим в микроволновке, в зависимости того, будут ли там сейчас готовиться полуфабрикаты, или разогреваться приготовленные вчера. Но все сеточки, сотейники, контейнеры, коробочки и прочие мелочи,

которые, как считается, оживляют интерьер, были на месте. Обманчивые декорации, словно тут все также суетилась хозяйка. Максим, уставившись в поверхность кофе, вспоминал ночь и это тянуло за собой кадры той аварии. Он на самом деле мало что помнил.

Был поздний вечер, темнота. Ах, да – шёл дождь. Они ехали по окраинам города, кажется возвращались из расположенного там строительного супермаркета. Дорога пролегла сквозь небольшую посадку и делала плавный загиб вправо. Макс болтал о чём-то с женой. Разве кто-то запоминает такие разговоры? Откуда взялась встречная машина данных в памяти тоже не сохранилось. Макс думал: раз было темно, то он должен был раньше увидеть её фары, даже сквозь деревья. Однако возникли они в последний момент, когда вылетевшее из-за поворота авто, словно зверь с горящими глазами, кинулось на его машину. Затем удар, срежет. Темнота. Мокрый асфальт, кажущийся вблизи таким неровным и шершавым. Даже удивительно как шины не стирались за пару часов. Что-то лежит неподалеку от него. Рука жены. Темнота. Вот он уже возле Юли, её недвижимого тела. Небо извергает на них воду и кажется, будто Юля лежит на куске зеркала, который всё увеличивается и увеличивается. Гремит гром. Вспыхивает молния, подсвечивая Максиму его погибшую жену. И снова темнота.

Макс вынырнул из воспоминаний, вновь вернувшись к чашке. Всё, что было после самой аварии, пряталось в ту-

мане. Люди, машины, яркий свет, скорее всего от прибывшей полиции, разговоры. И все это расплывалось. Он помнил мертвую Юлю, но почти не помнил похорон, лишь неясные обрывки. Как универсальная «нарезка» кадров, которые используют в производстве клипов. Не помнил суда над виновником трагедии, как закончилась его роль в этой истории. Он боялся признаться самому себе, что в ту ночь он вернулся домой не таким как прежде. Теперь его разум перешел на автономное управление, без участия Макса, позволяя тому лишь необходимые для жизни процедуры, вроде принятия пищи и сна. В этом разуме неведомые ранее отрывки норовили прорваться в Максимову реальность.

Макс, так и не допив остатки своего утреннего кофе, встал из-за стола и направился к раковине. Напротив неё пестрел магнитами холодильник. История путешествий, праздники, предпочтения хозяина в кинематографе. Такая дверь порой может рассказать не меньше, чем дневник. Несмотря на разнообразие ярких кусочков, взгляд выхватил нарушение и отчаянно сигнализировал нужному отделу мозга – что-то не так. Какая-то другая часть (может, разум?) сопротивлялась, говоря, мол, тут же столько форм и цветов, наверняка ты ошибся. Но стоило Максу присмотреться и все сомнения в правдивости тревоги отпали. К серебристой дверце был приклеен плоский магнит с фотографией, сделанной автоматической камерой в зоопарке. На ней Макс и Юля улыбались, прижавшись друг к другу головами. И этот магнит придер-

живал собой на двери еще кое-что: билет в парк с аттракционами.

Билет из сна.

Глава 2. Аналитик–терапевт

Конечно, для стороннего наблюдателя, самым логичным порывом стала бы поездка в этот самый парк. Макс покрутил билет в руках. Обычная бумажка с ожидаемой надписью «Входной билет», нарисованный с широко открытым, словно собираясь кого-то съесть, ртом клоун и всё. Никакого названия, времени, цены. Если бы Максим не видел точно такой же билет во сне, то и не догадался, куда надо идти. Однако во сне Юля назвала место – Камбродский парк, который с аттракционами. Но неужели всё это чья-то шутка? Больше всего Максим боялся, что автором этого прикола окажется его разум. Он вылил остатки кофе в раковину, обмыл кружку и не переодеваясь вышел из квартиры.

Из зеркала заднего вида машины на него снова воззрился уставший мужчина. Его взгляд задавал немой вопрос: «Ты ведь знаешь куда ехать, правда?»

Макс знал не столько куда ехать, а к кому.

Из памяти услужливо всплыл давний и совершенно ничем не примечательный разговор с женой. Такие беседы у каждого супругов происходят тысячами: в поездках, на диване перед телевизором, за обеденным столом. Как-то они с Юлей беседовали на тему психологов. Она была убеждена, что у каждого человека есть такой специалист совсем рядом. Са-

мое сложное – это открыться ему и поговорить. Чем серьезнее и откровеннее будешь ты сам, тем более взаимно–серьезными будут советы.

Макс же по природе был интровертом и видел плюсы сеансов у врача как раз в полной его отчужденности от твоей жизни. Пресловутый синдром попутчика, когда легче рассказать кому-то чужому, незаметному остальным человеку, будучи уверенным, что он уже не появится в твоей судьбе, чем доверится тому, в чьём взгляде будешь чувствовать – он знает мою тайну. Беседы эти были, конечно, праздными, ибо ни один человек, обсуждая врачей и хваля достижения медицины, не видит себя их пациентом. Психиатрии это касается особенно.

Но вот час пробил, спокойно подумал Макс. Провалы в памяти можно было стерпеть. Из вечной депрессии находят выходы. Но вот когда перестаешь различать реальность и сон – проблема. Они смешиваются без ведома своего владельца и это пугает. Да и просто очень хочется сбросить эту ментальную усталость. Такое же чувство, как при острой зубной боли – вырвать и наступит облегчение.

Страха не было, особого волнения тоже и это несколько удивляло. Он задумался: вдруг психолог скажет о наличии серьезных проблем? Как можно признаться самому себе в протекающем чердаке? Здравствуйте, меня зовут Максим, и я псих. Такая новость может действительно помутить рассудок. Макс заставил себя прекратить мыслить в этом направ-

лении. Если слишком глубоко копнешь своё сознание – есть шанс не выбраться.

Смартфон мгновенно выдал список частных специалистов в Ворошиловграде. Максим пробежал глазами адреса и не удивился как ловко поисковик выставил первым из найденных самый ближний к его местоположению. Может быть Максу хотелось найти психолога подальше от своего района, но машины очень услужливы, берегут каждый твой шаг, даже когда их не просишь.

Кабинет располагался в обычном многоквартирном доме, затерянном в квадратно–гнездовой планировке спального района. Макс хорошо знал эти узкие, в одну машину шириной, дворовые проезды. Ко всему прибавить бетонные блоки от жителей и прочие препятствия и получалось лучшим решением было оставить машину на главной улице. Обнаружить офис удалось не сразу. В определенный период первые этажи в домах выкупали под различные капиталистические нужды, причем набор был вполне стандартен. Почти каждая нижняя полоса многоквартирника могла похвастаться юристом, стоматологом, продуктовым магазином. И как раз между законом и зубами располагалась неприметная металлическая дверь. Лишь подойдя вплотную можно было увидеть кнопку звонка и надпись «С.Нонремов. Психолог». Специально они что ли себе такие фамилии берут, подумалось Максу. Словно актёры, для лучшего запоминания.

Где-то внутри здания зажужжало и дверь отворилась. Макс медленно вошёл в тусклый коридор, который скорее всего был тамбуром, ведущим в свою очередь в ещё один проход.

Точно ли мне сюда, промелькнула мысль у Максима. Ещё можно развернуться и уйти. Обратнo, к своим кошмарам. Он глубоко вздохнул и подошёл ко второй двери. Звонка нигде не было видно, и сама дверь казалась приветливее: деревянная поверхность, с резным орнаментом и позолоченной ручкой. Внутри шептали голоса: «Можно ещё уйти. Если окликнут – скажи ошибся». Макс не послушался и постучался. Никакой реакции. Первое чувство – ура, можно сбежать. Но он знал, что рано или поздно придется вернуться и эту дверь открыть. Не стоит откладывать.

Макс почему-то так и представлял себе кабинет психолога: прямо по центру стоял большой письменный стол с песочными часами, колыбелью Ньютона и статуэткой, изображавшей не то божество, не то демона. Слева от него два глубоких кресла. По углам комнаты, в которой царил приятный полумрак, стояли кадки с растениями. Макс даже знал с какими, ведь его Юля тоже любила создавать домашний сад. За столом восседал, по-видимому, сам мозгоправ: мужчина лет пятидесяти, с аккуратной бородкой, в очках. Лицо его было приятным, но не столько в плане красоты, сколько в чувственном. Выглядело добрым, без резких черт и с расслабленной мимикой. Располагающим к общению.

– Вы заходите–заходите, – приветливо улыбнулся он и поднялся из–за стола. – Меня зовут Нонремов, Сергей Осипович. К вашим услугам.

Макс представился и замялся, не зная, что говорить дальше.

– Прошу вас, присаживайтесь, – Сергей Осипович указал рукой на кресла и Максим послушался.

– Вы, наверное, удивлены, что у меня такой вот вход незвучный, на стук в дверь никто не отозвался? – психолог хитровато улыбнулся.

Макс кивнул.

– Похвастаюсь Вам, что все это спланировано. Первый, так сказать, этап, – Нонремов откинулся в кресле, закинул ногу на ногу и сцепил руки в замок. – Неприметная дверь для уменьшения фактора общественного мнения. Мало кому захочется, чтобы окружающие видели его входящим куда-то с надписью «психо». Это, так сказать, элементарная психология.

Максим согласно покивал, но больше самому себе. В это вопросе он был абсолютно солидарен со специалистом.

– И когда я вам об этом рассказываю, то у вас, потенциального клиента, это скорее всего вызовет симпатию, не так ли?

Его потенциальный клиент подумал секунду–другую, закатив глаза, и вновь согласно покачал головой.

– Эх, надо было мне в рекламу идти, – засмеялся Нонре-

мов. – Ну и второй этап. Когда на звонок молча открывается одна дверь, а вторую вообще можно открыть самому, заставляет самого человека увериться в том, что он делает. Когда этот порог пройден, работать гораздо проще, поверьте.

– Наверное..., – Макс посмотрел в пол. – Я не знаю с чего обычно начинается визит к такому... специалисту.

– Я вам помогу, – с готовностью откликнулся Сергей Осипович. – Сразу договоримся об условиях – первый сеанс бесплатный. Как у наркодилера, только после меня вы станете здоровее. Если на этом сеансе Вас или меня что-то не устроит – сочтём это просто приятной беседой. Как Вам?

Максима такой вариант более чем устраивал, и он поблагодарил психолога.

– Рановато еще, – наигранно отмахнулся Нонремов, затем наклонился через стол и посмотрел Максиму прямо в глаза. – Теперь, я бы хотел услышать, что у Вас происходит. Что не дает спокойно спать и видеть приятные сны.

Максим вздрогнул и внимательно посмотрел на психолога.

– Хорошо. Я постараюсь собрать всё в кучу... Как минимум, и для себя.

И он рассказал Нонремову про аварию, депрессию, сны с появлением Юли, чувство отчужденности.

Про билет умолчал.

Доктор внимательно выслушал, глубоко вздохнул:

– Я вас понял. А теперь, с вашего позволения, я задам несколько вопросов. Кем Вы работаете, Максим?

– Разработчик компьютерных игр, – с неким стеснением ответил тот.

– Да? – удивился Нонремов. – Я мог во что-то играть? Правда геймер я тот еще. Стрелял когда-то врагов в Кол оф Дьюти и ещё ... дай бог памяти.

Макс кисло усмехнулся. Такая реакция была ему знакома. Он работал не в столь массовом жанре как шутеры или онлайн-игры, но тем не менее и у его компании были свои поклонники. Однако сейчас это беспокоило его меньше всего.

– Разве сейчас так важно, кто я по профессии? – Макс вновь опустил глаза. – В такой ситуации все... одинаковые. Наверное.

– Если Вы работаете по призванию, то важно.

Макс исподлобья взглянул на психолога. Взгляд Нонремова был вполне серьёзным.

– Ну... да, по призванию работаю. Всегда хотел игры делать и вот делаю.

– Это что-нибудь для сброса напряжения? Пострелять из гранатомета или поноситься на машине по улицам, без всяких правил.

– Как бы наоборот, Сергей Осипович. – Макс продолжал говорить, глядя в пол. – Как раз напряжение и создаем. Для

ума. Мы делаем квесты. Ну знаете всякие головоломки надо решать и все они связаны общим сюжетом. Такие игры как бы не для отпетых геймеров, а и для обычных людей. Аудитория, конечно, не такая широкая, но все же есть. Играют.

– Подождите, – прищурился психолог, – Вы что, стесняетесь своей работы?

– Да ну не то чтобы, – Макс и самому хотелось сформулировать мысль по этому вопросу. Он свободно откинулся в кресле и, подбирая слова, проговорил:

– Понимаете, тут непонятное, странное чувство возникает, как бы сказать... Ну вот смотрит на Вас человек, и вы говорите – я разработчик игр. И он, даже понимая, что это за профессия, не может оценить ее важность. Ну как знаете, скажешь – у меня своя база стройматериалов и все тут же понимают – ага, хорошо зарабатывает, свой бизнес, руководитель. Или там – работаю в налоговой – тоже вариант, есть связи, возможности. Да даже скажи, что газовые котлы чинишь и то понятно, что это такое. А разработчик – кто это такой и с чем его едят? Слово «Компьютерщик» еще более–менее прокатывает. Ассоциируют с хорошими заработками и хилым телом.

– Понимаю, – согласно кивал Нонремов. – Нечёткое определение себя в обществе с чётко устоявшимися образами.

– Есть какой-то, наверное, синдром из двух трех фамилий в названии? – Макс позволил себе улыбнуться.

– Наверняка, – таким же легким и веселым тоном ответил

Нонремов. – Но такие названия нужны если Вы хотите напугать или запутать пациента. А я хочу вам помочь.

Он посерьезнел и вновь наклонился в кресле вперед, пристально смотря на Максима:

– Попробуем подойти к делу системно. Моя рекомендация на сегодня может показаться вам дилетантской, но все же. Вам, кстати, нужно на работу? Сегодня, завтра?

Максу нахмурился, вспоминая. Трагедия выбила его из жизненной колеи на обочину и сколько он там валяется помнилось уже с трудом. На работе, кажется, договорились дать ему бессрочный отпуск. Макс сам входил в руководство небольшой компании по разработке игр и просить об отдыхе пришлось не злого босса, а друзей, которые проявили искреннее сострадание. Макс не помнил, как именно это происходило и какие фразы звучали. Скорее всего, будучи настоящими друзьями, они смогли сказать всё без лишних слов.

– Нет, доктор, на работу мне пока можно не выходить.

– Это удобно. Сразу расставим некоторые точки над известной буквой. Вот Вы меня только что доктором нарекли. Наверняка, Вас тоже вводит в заблуждения разница между психотерапевтом и психологом. Или более серьёзно звучащее – психоаналитик. Какая, казалось бы, разница, а? – и он задорно подмигнул.

– Есть такое, – согласился Макс. Сначала его немного раздражали эти усмешки и подмигивания. Ведь разговаривают

о смерти человека, депрессии от этого. Что за дешёвые приемы? Но вот уже эти ужимки кажутся вполне обычными. Даже ему как-то настроение передаётся.

– Сейчас мы это исправим. Краткий курс, так сказать. Терапевт – больничное слово, согласны? Вот и запомните: психотерапевт равно врачу. Тот который имеет право лечить. Выписывать лекарства, назначать процедуры. Подписывать диагнозы, что, наверное, самое мощное. Психолог же может с Вами поболтать, сочувственно покивать. Можно дать тесты, потом серьезно объявить результат. Но ничего более.

– Я слышал, что вот это... лечение без таблеток, словами, нередко помогает. Надеюсь.

– Так и есть, Максим. Но, – психолог важно поднял палец, – я вообще-то, в некотором роде и был терапевтом. Но без этого слова и людям проще приходиться, и мне интереснее. Просто накачать Вас нейролептиками дело нехитрое. Это такая хитрая химия, блокирующая некоторую нервную деятельность, гормоны и прочее. Причем, не всегда пациент после неё спит. Некоторые препараты, наоборот, вставляют батарейку в...

Макса не смутило указание места, куда вставляют батарейку. Туда можно отправить всё что угодно. Но вот переход доктора от медицинских терминов к такой формулировке обескураживал. Нонремов заметил застывшее лицо Макса, осекся и миролюбиво поднял руки:

– Прошу простить, заговорился. Страшилки начал всякие

вспоминать. Непрофессионально. Я к тому, что знаю принципы лечения терапевта, но хочу добиться максимальной эффективности, а не быстреего результата, понимаете, о чем я?

Макс подумал секунду и кивнул

– Думаю, да.

– Процесс может получиться небыстрым, зато мы соберем самую обширную информацию. Не подумайте, что я раскручиваю на длительные посещения моего скромного кабинета. Пока о деньгах речи вообще нет, как и договаривались.

– Да честно сказать, Сергей Осипович, мне все равно, – Макс грустно вздохнул, сам себя обругав за излишнюю чувственность вздоха. – Когда-то я бы вам сказал, что мне больше нравится идея наблюдения, чем уколы. Но сейчас – пофигу. Если укол реально мне поможет, а не превратит в зомби, то я не испугаюсь. Но, как я понимаю, и как слышал, этот метод уже край. Поэтому я за качество, вместо скорости.

– Отлично, я тоже. Начнем тогда с базы. Или с холста нашей картины. Сами выберите аналогию. Отнеситесь с понимаем к тому, что сейчас прозвучит. Не пытались горе залить?

– В смысле...

– В самом прямом. Алкоголь.

– Знаете, нет. Всегда почему-то считал это слабостью. Кажется самообманом что ли. Ну короче и мысли не было.

– За-ме-ча-тель-но! – радостно и нараспев воскликнул Нонремов. – Значит так. Вы по пути домой зайдите в ма-

газин, возьмите бутылочку вина или пива, коньяка на крайний случай. Что больше предпочитаете. Можно классическую «беленькую». С количеством тогда постарайтесь быть осторожнее, учитывая неопытность в этом деле. Расслабьтесь, не сидите в тишине – включите фильм, сериал. Загрузите свой мозг чем-нибудь не самым полезным и ложитесь спать. А, скажем, послезавтра, Вы зайдете и расскажете мне все, что было.

Макс смотрел на специалиста «с приставкой «психо»», ожидая объяснений такой методики.

– Я хочу понять, насколько хронически у Вас эти кошмары, – словно услышав мысли продолжил Нонремов. – А все, что я вам, так сказать, прописал – некая очистка Вашего разума перед экспериментом. Может быть такая ситуация, что Вы, находясь в депрессии, не можете выкинуть плохие мысли из головы. Постепенно ваше сознание создало для вас иллюзию, что постоянно снится один и тот же кошмар. То есть Вы сами вызываете его, выстраиваете по кусочкам в течение дня, а ночью рассматриваете картинку. Вы ведь слышали, что ночью, точнее во сне, мозг работает активнее всего?

– Даже фильм такой видел, с ДиКаприо.

– Ну вот и давайте пробовать! – доктор встал из кресла и тут же за ним поднялся и Макс. – Адрес вы мой знаете. Жду Вас, а сам пока дополнительно подумую над Вашей, уже даже нашей, проблемой.

Максима такой вариант вполне устроил. Просто мечта, а

не лечение и выводы психолога показались ему логичными. Осталось только купить себе выпить, да и продуктов заодно. Он чувствовал себя возвышенно, как человек, который увидел решение трудной задачи. Разве может что-то помешать современному гражданину с деньгами купить себе пива на вечер?

Оказалось, что может.

Глава 3. Барьер

Макс приехал в супермаркет, который вполне можно было именовать семейным. Именно здесь они с Юлей, как семья закупаются как необходимыми продуктами, так и не очень. Уже было не так важно, какие там цены и какова палитра выбора, относительно других. Привычка убеждала не задавать себе скучных бытовых вопросов, а просто зайти в знакомое здание, отработанным движением взять корзинку и углубиться в пространство между стеллажами. Людей было немного. Старушка крутила в руке кочан капусты. Мужик с прилизанными волосами, в модной кожаной куртке и перстнем на пальце, делал заказ в отделе готовых салатов. В корзине у него уже позвякивало стекло.

Макс побродил немного, закинул к себе упаковку с пивными банками, несколько пакетов чипсов, сухарей и прочей снеди к пиву. Он сам не знал, чего ему хочется и решил взять универсальный набор. Так, а если захочется реально пожрать, не просто посолить во рту перед пивными волнами? Что дома в холодильнике?

Не смог вспомнить.

Он решил прогуляться и в другие отделы. Проходя мимо молочных полок, Макс вдруг резко остановился. Его корзинку зацепили бежавшие сзади двое детей, которые, не обратив

на это внимание понесли дальше по залу.

Максим вспомнил, как они с Юлей обязательно сюда подходили. Она очень любила йогурт, питьевой. Вишня, малина, черника. Макс подошел к полке, где все также лежали пакеты с красными и синими, под цвет ягод, надписями. Взял один в руку. Нахлынули воспоминания. Рот самопроизвольно хотел открыться и спросить стоящую рядом Юлю – тебе такой как обычно? Нет, подумал Макс, нельзя сейчас позволить себе такие мысли. Вспомнится Юля в других ситуациях. Как спорили при выборе сыра или по-детски радовались, купив килограммовый пакет мороженого. Все эти картинки из прошлого были с острыми краями, больно рая сердце.

Макс вздохнул и, уже кладя йогурт обратно, повернул голову.

Рядом стояла Юля.

Он окаменел. Первым чувством был парализующий страх. Макс постарался сбросить оцепенение и хотя бы продолжить дышать. Он положил йогурт мимо полки. Юля мило улыбалась, смотря на Макса, и он увидел то, что вновь его обездвижило. За Юлей он видел витрину. Он видел её *сквозь* плечо Юли. За ногами виднелась плитка пола. Его жена *просвечивалась*. Голограмма, как бы подумал технарь Макс, не будь он так шокирован. Большинство людей скорее бы сказало *призрак*.

Всё, на что хватило сил у Максима – это протянуть к ней руку. У Юли на лице задвигались губы, но никаких звуков рот не издавал. Внезапно жена Макса пропала. Он резко огляделся, не понимая еще, что происходит. Видел ли кто-то его, стоящего столбом?

Супермаркет был пуст. Исчез и привычный людской гул, разговоры, плакающий звук кассы, шуршание пакетов. Макс осторожно прошёл дальше по главному проходу. Никого. Лишь рыбы вальяжно плавали в огромном аквариуме. Он подошел поближе к двери ведущей в подсобные помещения. Тоже тишина. Беспомощно заозирался и снова увидел Юлю. Теперь она была в противоположном конце магазина.

В нескольких метрах от неё возвышался огромный, на две головы выше Макса, картонный клоун, призывавший купить веселье для всей семьи. Даже издалека Максим видел, как его жена пытается что-то сказать. Подлый доктор, наверное, подмешал какое лекарство. Но он ничего не пил. Тогда, скорее всего, гипноз. Решил проверить так проверить. Сам сейчас ещё может где-то рядом, наблюдает.

Понемногу наращивая скорость, он двинулся к супруге, но не пройдя и половину пути почувствовал сильный удар в спину. Макс вскрикнул от боли и неожиданности, не выпустив при этом свою корзинку из рук. Он с удивлением обернулся в сторону появления атаки. Никого, лишь стеллаж с консервами. В одном ряду, словно выбитого зуба, не доставало банки. Макс уже хотел было обойти полки вокруг, но

вдруг отметил странное движение среди шеренг паштетов и зеленого горошка.

Одна из банок задрожала, будто пытаюсь выбраться из тесного ряда. Чуть выше также завибрировала её одна – с кукурузой. Макс начал соображать: ещё секунда–другая и эти снаряды полетят в него. Обернулся к Юле. Она всё так же была в дальнем конце зала и махала рукой, призывая к себе. Макс послушался и рванул вперед. В то же самое мгновение со свистом полетели жестяные банки. Он слышал, как одна ударила в стекло витрины. Юля была все ближе, но тут ожил картонный клоун. Он заерзал на месте, будто бы освобождаясь. Макс инстинктивно замедлился и теперь шел вперёд, наблюдая за картонной фигурой.

Клоун, шелестя, задвигал ногами, которые являлись цельным куском и не давали ему идти. Он, согнув себя в районе шеи, наклонил голову, словно задумавшись. Это длилось недолго и резким движением клоун разделил свои ноги. Осторожно сделал несколько шагов. «Поднял взгляд», разогнув картон обратно и это заставило Макса остановиться. Нарисованное лицо клоуна улыбалось, но сейчас добрая ухмылка казалась плотоядной. Он смотрел именно на Макса. Увидел свою цель.

Монстр медленно согнул руки, выставив их вперед, и пошел в сторону Макса. Наперерез его пути к Юле.

Зрелище движущейся фигуры было зловещим. Макс был

ошарашен и растерян. Вот только появилась Юля, а за ней вот это, шаркающее по полу... существо. Вряд ли оно предложит Максу купить красных воздушных шариков. Почему возникла Юля ещё хоть можно было объяснить. Памятное место, чувства нахлынули. Но зачем оживлять что-то – нет, *кого-то* – ещё? Как может навредить мягкий картон? Вроде бы никак, но раз этот рисунок ожил, то какие еще силы или возможности он мог обрести? Вот клоун всё ближе и ближе. Руки тянутся к жертве. Как Макс ни старался себя успокоить, но происходящее внушало опасность.

Он попятился назад, видя, как Юля все также призывала его к себе, улыбалась, но не двигалась с места. Словно не видела происходящего. Этого ожившего безумия, частью которого являлась и сама. Тут он вспомнил, что всё также сжимает ручку корзины. Взвесил в руке банку пива и метнул в клоуна. Картон прогнулся, но легко отразил атаку.

Макс сам до конца не понимал, чего хочет достичь своими действиями. Броситься на чудовище и порвать его на кусочки? Нет, не сможет. Внутренний голос заверил, что не выйдет. Быстренько набросал Максу картину, как плотный картон обхватит его и начнёт въедаться кожу, поглощая в себя человека. Или парализует, завернёт внутрь себя, и жертва мучительно умрёт от удушья. Испуганно отходя, Макс выстроил в голове какой–никакой план: не связываться с этим монстром, не стараться уничтожить, а попытаться его заблокировать и после этого пробраться к жене. О выходе из ма-

газина он тогда не думал.

Попробовал опрокинуть стеллаж. Увы, монтировали оборудование качественно, и он оказался накрепко привинчен к полу. Макс отбежал еще назад и снова попал под баночный обстрел. Макушку обожгло резкой болью. Клоун медленно, но уверенно шагал за ним. Максим, согнувшись и прикрыв голову добежал до края зала, уйдя из опасной зоны. Он выждал немного, чтобы картонное чудище подошло ближе к нему, а точнее – дальше от Юли. «Пора» – сказал себе Макс и дёрнулся бежать в обход клоуна. Обернулся посмотреть, как срабатывает план и это спасло его от упавшей сверху лампы освещения. Со страшным лязгом и звоном разбившегося стекла, она приземлилась в метре перед Максом. Следом раздался громкий, протяжный скрежет и мужчина увидел, как стеллажи, медленно натужно разворачиваются. Хлопки вырванных из пола или лопнувших крепежных болтов, грохот падающих товаров. словно неповоротливые роботы, полки собирались в единую цепь. Макс оторопело посмотрел назад, где клоун уже почти дошаркал до конца зала. Туда откуда только что удрал он сам. Свободный проход виделся лишь один и Максим чертыхнулся. Как сразу об этом не догадался. Он мог бы пробежать к Юле позади витрин с мясом, колбасой и сырами. И была бы какая–никакая защита от клоуна. Мозг лихорадочно соображал и вдруг взгляд выхватил красно пятно – висевший на стене пожарный шкаф.

Макс бросился к нему, намереваясь смыть это бумажное

существо. Он яростно вращал вентиль и уже приготовился крепко держать шланг. Клоун тоже остановился, словно вопрошая Макса, неужели тот хочет его вот так вот ликвидировать. Макс обеими руками сжал металлический конец рукава. Оттуда не доносилось ни звука. Он заглянул внутрь. Ничего. Воды не было. Картонная тварь, видимо, тоже это поняла и согнулась назад. Словно хохотала. Максиму было не до смеха. Из полезного – только висевший на стене огнетушитель. Он сорвал с него все пломбы и уже практически был готов пустить пену в смеющуюся рожу, как его осенило. Макс поудобнее взялся за огнетушитель, завел руку за спину, встал на одну ногу, перенося вес, и что есть силы метнул в сторону ожившего монстра. Огнетушитель пролетел мимо, но Макс на то и рассчитывал. Тяжёлая сталь с треском проломилла стекло огромного аквариума и оттуда хлынула волна. Она подхватила клоуна и понесла вперёд, прямо на Макса. Ему пришлось отскочить в сторону. Клоун елозил ногами, как новичок на льду, и в итоге упал нарисованным лицом в лужу. Макс просмотрел на его пропитывающееся водой тело и побежал к Юле намеченным маршрутом.

Её призрак был все ещё на месте, но стал уже более прозрачен.

– Юля, Юля! – крикнул Макс подбегая. Он находился буквально в пяти шагах как почувствовал неприятное обвивание своей ноги. Что-то её держало. Это оказался электрический провод, вырванный из слайсера стоящего рядом. Конец

с вилкой был по-прежнему воткнут в розетку, оборванный же искрился и извивался, словно кобра под дудочку факира. Макс понял, что сейчас произойдет, но было уже слишком поздно, Провод вцепился электрическими зубами ему в бедро, тело пронзил резкий импульс. Очень больно. Он упал, схватившись за укушенное место и увидел потрескивающий искорками конец прямо возле лица. Через секунду эта змея впилась ему в шею и свет померк.

Глава 4. Друг–незнакомец

– Мужчина, сюда нельзя! – голос ворвался в темноту сознания Макса, пробуждая его.

– Пьяный что ли? – продолжал возмущаться все тот же голос, принадлежавший женщине.

Перед глазами была грязная поверхность плитки. Макс, до конца ещё не очнувшись, даже удивился. Вот только недавно, когда он бродил по магазину, пол казался вполне себе чистым. А теперь он видит на светлых плитках пятна, на некоторых отколоты кусочки. Цементный шов между ними весь в микроскопических кратерах. Наконец сознание полностью возвратилось, и он поднялся с пола. Шею неприятно потянуло. Нога болезненно зудела.

– Глухой вы что ли.

Максим наконец повернулся в сторону голоса.

Уперев руки в бока, рядом стояла крупных размеров женщина в рабочем переднике. Её взгляд был полон ярости, ну просто львица на охране своей личной территории.

– Простите, – проговорил Макс и попытался улыбнуться. Мышцы ноги вновь пронзил спазм, заставив его лицо поморщиться и приложить руку к больному месту.

Продавщица еще несколько секунд сверлила Макса взглядом, который затем перевела вниз. Оказалось, его корзинок

ка с покупками была целой. Упаковка пива, бутылка вина (он брал и вино?), различные закуски. Женщина обреченно вздохнула и больше ей ничего не надо было говорить, её мнение уже сформировалось.

В другой день Макс мог бы смутиться или отшутиться по этому поводу. Но сейчас его имидж в глазах окружающих не имел никакого значения. Вообще мало что имело значение, кроме произошедшего в магазине. Кроме Юли.

Взяв корзину с нехитрым набором, он пошёл побыстрее на выход. Клоун стоял на своём изначальном месте и гадко улыбался. Макс очень хотелось обернуться к нему. Было чувство, что эта картинка подмигнёт или подаст какой-то знак. Супермаркет жил обычной своей рутинной, даже людей стало вроде бы больше. Макс оплатил покупки и вышел на улицу.

Солнце уже плавно спускалось к горизонту и Макса это сильно удивило. Он поехал к доктору практически сразу после завтрака. Побыл у него с час, не более. Взглянул на телефон – семь часов вчера! Сколько длился этот его бой в магазине? И был ли он вообще? Может снова игра воображения, неожиданный приступ и он просто валялся за витриной, словно забытый товар. Макс закралась мысль сходить и попросить запись с камеры наблюдения. Но, во-первых, её могут и не дать обычному клиенту, а во-вторых – с каким объяснением? Нельзя ли посмотреть, не валялся ли я у вас за витриной последние шесть или восемь, или сколько там

часов?

Макс сунул телефон обратно в карман и почувствовал ещё один предмет. Кусок плотной бумаги.

Билет.

Он снова крутил его перед носом. И здесь тоже нарисованный клоун. Это безумное совпадение или знак. Не веришь – не узнаешь.

Парк располагался в старой части города. Эти районы начинались на холме, стекая вниз, образуя множество спусков и подъёмов.

В одной из низин протекала река и, судя по заржавевшим отметкам глубиномера, висевшем на левом берегу, когда-то поднималась очень высоко. Метров на десять выше, чем была сегодня. Тонкая полоска воды пересекала и парк, уютно затерявшийся между современными многоэтажными стенами вверху и раскинувшимся частным сектором пониже. Единственная, выдававшая его деталь – колесо обозрения, прозванное в народе «чёртовым». С него открывался панорамный вид на город и на соседствующий с парком пивзавод, красневший своими кирпичными цехами. В стене, напоминавшей уменьшенную копию кремлёвской, были окна для продажи продукции на разлив. Очередь там обычно собиралась не менее короткая и счастливая, чем в кассу аттракционов.

Макс заходил в парк осторожно. Осматривался. Со стороны могло показаться, что он кого-то ищет и отчасти это было правдой. Только вот Макс сам не знал, что он хочет увидеть. Вечерний парк был ещё красив. Заходящее солнце смягчало контуры предметам, дорисовывая им ореол. Деревья весело шуршали листьями, издали доносился смех. Макс отметил про себя отсутствие людей. По крайней мере, он никого не увидел. Нет, где-то там, за деревьями, шумела машинами дорога, в конце центральной аллеи виднелись несколько силуэтов, но вокруг него самого ни души. Парк был, если откровенно, не бог весть какой Диснейленд. Помимо колеса обозрения насчитывалось несколько однотипных каруселей. Бугрились рельсами маленькие американские горки. В большой палатке виднелась стойка тира. Комната страха тоже наверняка имелась. Но тем не менее, летним вечером здесь должны были слоняться люди, которых сжимали стены квартир и офисов. Тут можно купить детворе сладостей и дать денег на развлечения, а самому, в нарушение закона, попить пива на лавочке или просто расслабиться, поболтав с подругой. Однако аттракционы были выключены, поверхности для сидения свободны. Словно это был действительно особый день.

Для действительно особого посетителя.

Макс беспомощно оглядывался, сжимая в руке билет. На

глаза попала касса и пришло озарение: вход в парк свободный. Значит пропуск куплен не на посещение, а на конкретный аттракцион. Он направился к узкой, комично вытянутой вверх будке, в которой имелось крошечное окошко для приема денег. Само стекло кассы было задернуто старой, выцветшей шторой. Макс легонько постучал. Никакой реакции. Решив, что кассир вышел, Макс оперся на узкую доску-прилавок и стал внимательно рассматривать билет. Никаких новых деталей ему не открывалось, однако внезапно почувствовал, как билет... тянет из рук. Могло показаться проделками ветра и Макс, чтобы удостовериться, взялся за самый кончик большим и указательным пальцами. Билет немного затрепетал и явно потянулся к окошку кассы. Макс не отпускал и рывки стали настойчивее. Особого выбора не было. Инстинкт любопытства ненамного слабее хвалёного полового. Разум прекрасно осознавал – сделаешь это и будут последствия. Какие – неизвестно. Возможна опасность. Много людей прислушиваются к такой аналитике, не видя перед собой физических угроз? Макс разжал пальцы.

Билет юркнул в проём и парк тут же ожил. Заиграла музыка из похрипывающего репродуктора, замигали натянутые между столбами гирлянды. Макс внимательно осматривал окружающее пространство и прислушивался. Шорох автомобильных шин исчез, признаки людей в округе – тоже. Он, прищурившись, присмотрелся вдаль и там, где сквозь деревья мелькали отрывки из жизни города, теперь стоял серый,

непроглядный туман.

Настоящая мгла.

«Снова ловушка» застучала в голове у Макса мысль, и он почувствовал, как вспотел от напряжения. Стоять на месте тоже не имело смысла и нужно было куда-то двигаться. Макс зашагал по главной аллее, постепенно успокаиваясь. Никто не выпрыгивал из кустов и не швырялся тяжелыми предметами. Он заглянул в тир, обошёл вокруг карусели, даже присел на качели, но ничего не происходило. Макс закрыл глаза и попытался в очередной раз выстроить свои мысли по порядку. Билет он получил во сне от Юли. В супермаркете тоже была она. Значит и это место должно пересекаться его женой. Самый логичный вопрос: где Юля?

– Нужна помощь? – раздался сзади голос. Он возник неожиданно и пугающе, заставив Макса резко дернуться. Ноги потеряли опору с землей, вынудив его барахтаться на качели словно рыба в сетке. Сердце бешено стучало, адреналин требовал действий, а не спокойной оценки ситуации. Наконец он совладал с цепями, спрыгнул и резко обернулся.

Перед ним стоял парень, лет восемнадцати–двадцати, не больше. Неряшливый, на взгляд Макса стиль одежды. Мешковатые штаны, толстовка с капюшоном, огромная шапка каштановых волос. Лицо этого встречного было добродушным с мягкими чертами, приятной и искренней улыбкой. Он смотрел на Макса с неподдельным интересом. Даже показалось, будто он ожидает команды к действию.

– Ты кто? – не особо вежливо спросил Макс.

– Я гуляю тут, – не обратив ни малейшего внимания на реакцию Макса, ответил молодой человек. – Почувствовал, что тебе нужна помощь вот и подошёл. Моя фамилия Чернышенко.

– Приятно познакомиться, а имя?

– Чернышенко!

Полный псих, подумал Макс. Поэтому и улыбка какая-то странная, взгляд безумный. По-доброму, но всё же. Хотя, где встретится двум психам, как не в таком месте и в такое время.

– Так что у тебя случилось, Максим? – полюбопытствовал Чернышенко. – Ты выглядишь взволнованным. Может, я тебе помогу.

Макс снова опустил на доску качели:

– Я ищу свою жену. Мне кажется, она где-то здесь.

– Вы потерялись?

– Ну вроде того.

– А где ты ее последний раз видел? В парке? Когда? – спросил парень и завертел головой, видимо адресуя вопрос самому себе.

А ведь и в самом деле – когда? Макс попытался вытащить воспоминания из дальних уголков своей памяти.

Это было, наверное, года три назад. Они с Юлей ещё просто встречались и романтические прогулки в парках явля-

лись обязательным элементом отношений. Через несколько лет после свадьбы такие свидания все еще бывают, но меняются ощущения. У обоих супругов исчезает тщательный выбор фраз, внешнего вида и поведения. Ведь они видели друг друга уже по-всякому, и говорили обо всём на свете. Надень на себя другой образ – будет выглядеть смешно. Эта новая степень откровенности между близкими людьми позволяет искренне пообщаться на любую тему или выразить свое искреннее мнение, но нет уже того трепета, присущего настоящим свиданиям. А вдруг она подумает, что я скучный? А может, со стороны я выгляжу эдаким чудиком? Интересно, он всегда такой скромный или стесняется меня? Любовная осторожность смотрится очень трогательно. Чувства, словно превратившись в краски, помогли Максиму восстановить картину.

– Мы шли по алее, увидели тир..., – еле слышно сказал Макс, глядя в одну точку. – Она спросила, умею ли я стрелять.

Чернышенко тут же устоял на палатку с мишенями.

– Я ответил что-то глупое. Вроде – ну да так, ну бывало... а она посмотрела на меня с улыбкой... изучающе...

– Максим! – крик Чернышенко раздался где-то в стороне. Макс очнулся и обернулся на окрик.

Возле тира вновь явилась Юля, с тем самым взглядом. Оценивающим, любопытным, проникающим внутрь своей цели. На кого она кидает такой взор было неясно. Она вро-

де бы смотрела на Макса настоящего, того, замершего с открытым ртом, но, возможно и на его смущённую прошлую версию. Может это всё некий диафильм, где записано прошедшее время? Её фигура меняла прозрачность и четкость, словно невидимый фотограф настраивал фокус. Макс не раздумывая направился к жене, ускоряя шаг. Он не верил своим глазам. Перед ним было явление настоящего или эхо прошедших событий?

Макс порывался что-то ей сказать, рот по-рыбьи открывался, но слова не желали вылетать. Захотелось дотронуться. – Осторожно! – вдруг заорал сзади Чернышенко, и Макс отпрянул от неожиданности. Парень смотрел на мишени тира. Он был нахмурен и руки сжаты в кулаки.

Макс тоже обратил взор в сторону задней стены стрельбища. Её обитатели двигались, хаотично. Однако, лишь на первый взгляд. Фигурки зверей, домиков, цветные круги и звездочки собрались в группы по цветам, составив мозаику. Новая огромная мишень представляла собой клоуна. Похожего на того, ожившего в магазине. Хотя, если не вдаваться в детали, все клоуны кажутся одинаковыми.

Мозаичная машина задвигалась, открывая рот и репродукторы парка разразились противным наигранным смехом. Хохот не прекращался. Он резонировал, звуча не из всех рупоров одновременно, а по безумному, вызывающему головокружение ритму. Макс снова обернулся к Юле и увидел, как её начало втягивать в клоунский рот. В клоунскую пасть. Та-

кой эффект часто наблюдается, когда в накуренной комнате открывают окно и дым, извиваясь, стремится к выходу.

Макс рассеянно попытался удержать призрак руками, хватая при этом воздух. Клоун замолк и продолжал пялиться на двух людей жуткими зрачками, собранными из нескольких маленьких кабанов и медведя.

Разум искал какое-то действие. Что подскажет инстинкт человеку в такой ситуации? Макс заграбастал со стойки ружья и все по очереди разрядил в ухмыляющуюся физиономию. Стрелял не как солдат во врага или охотник в жертву. Скорее, как загнанный в угол, отстреливаясь всем, что есть, лишь бы остановить опасность. Никакого эффекта это не возымело. Он беспомощно оглянулся на Чернышенко. Тот был еще насторожен, но кулаки разжал.

– Надо найти её?

Макс покивал. Паренёк двинулся в сторону карусели «Ветерок». Немного побитая ржавчиной конструкция выглядела из сумрака. Аттракцион был похож на дерево, на иву, со свисающими цепями, поскрипывающими на ветру креслами.

– Ты видел её здесь? – не оборачиваясь бросил Чернышенко.

– Да вроде нет... – начал было Макс, но осекся. В тот же день, после разговоров про стрельбу, они сидели на лавке и наблюдали за этой самой каруселью. Летящие цепи блестели на солнце, в воздухе неслись довольный визг сидящих, стайка

детей восхищенно наблюдала за вращением. Сопровождающие их взрослые опасливо косились на такое развлечение, размышляя, как бы отговорить чадо от этой поездки. Они с Юлей тогда на ней не катались, но были рядом. Тут Чернышенко не ошибся. Где же та лавка? Вон та красная или синяя? Красная, точно красная. И тут же, словно по мановению волшебства, там появилась его жена. Ты выбрал правильную таблетку, мелькнула у Макса мысль. Но неясная пока ни в чём, кроме своей враждебности, сила тоже ожила.

С протяжным воем начал свое вращение «Ветерок». Макс снова посмотрел на Юлю. У неё в руках уже был непонятный белый прямоугольник. Макс уверенно пошел в её сторону, не отводя взгляда. Шум карусели стал звучать выше, но он не обращал на него внимания. И зря. Звона лопнувшей цепи он не услышал, лишь свист ее полета. С треском сидение врезалось в лавку с девушкой и она исчезла. Но тот самый белый предмет из её рук взлетел, подхваченный потоком воздуха.

Фотография.

Макс оторопело соображал, складывая всё произошедшее вместе. Он видел несущегося к нему Чернышенко, но не слышал его криков.

Через секунду страшный удар сбил Макса с ног, словно кеглю. Повезло, что сиденье у кресла было пластиковое, прикрученное к не очень тяжелой раме. Ещё больше повезло по-

пасть под удар только сидячей части, а не цепи. Макс повернулся, держась за ушибленную руку и посмотрел на карусель. Та вся тряслась от невероятной скорости, готовая рассыпаться на детали, угрожающе свистели цепи. Кто-то схватил его сзади за футболку и потянул по земле. Мгновение спустя очередной снаряд сорвался с орбиты и врезался туда, где только что лежал Макс. Его тащил Чернышенко. Он же помог Максиму подняться на ноги.

– Вставай, Максим, вставай, – паренек дёргано оглядывался, охраняя своего нового друга. – Побежали вон туда, к колесу. Там нас ничего не достанет.

– Где фотография? – выкрикнул Макс во время бега. – Ты не видел? Такая белая бумажка летала тут по воздуху,

Чернышенко первым добежал в безопасную зону и стал оглядываться.

– Ты имеешь в виду её, – тыкал он пальцем в сторону одной из кабинок, внутри которой, словно бабочка, бесновалось фото.

Макс не успел утвердительно ответить, как колесо пришло в движение, увозя заветную картинку.

– Я достану! – крикнул Чернышенко и бросился к аттракциону.

– Стой! – в ужасе заорал Макс. – Ты что совсем придурок! А если свалишься!

Чернышенко не послушался. Довольно ловко он вцепился в проезжающую кабинку и, не теряя времени, вскарабкался

на крышу. Недолго думая, подпрыгнул и схватился за один из лучей, идущих от центра колеса. Оттуда он направился туда, где летала фотография. Гигантский железный круг пришёл в новый вид движения. Максиму показалось, что механизм встряхивается своим металлом, как делает пёс, на которого села муха. Дрожь прошла от основания до кончиков, и висящие кабинки угрожающе закачались.

Максим суетился на одном квадратном метре, силясь придумать план дальнейших действий. Кричать «прыгай» – не с такой же высоты, да и куда? Остаться там и держаться покрепче? А может выключить это чёртово, во всех смыслах, колесо. Тем временем машина вздрогнула еще раз и несколько ее кабинок сорвались вниз как спелые яблоки.

Инстинктивно прикрыв рукой лицо Макс принялся искать пульт управления, электрощит с рубильником, вилку с розеткой, в конце концов. Мысли бежать не было. Некое незнакомое чувство не позволяло ему бросить этого безумного персонажа один на один с железным чудовищем. Правда, если все образуется, ему также сильно хотелось собственноручно придушить Чернышенко за такие фокусы. Но тут он увидел, что колесо было не единственной проблемой. Падающие кабины заглушили другой скрежет металла и только сейчас Макс заметил ещё одного участника сего действия. Детский поезд невероятным образом спрыгнул со своих путей. Словно змея, он тащил за собой несколько вагончиков, набирая ход. В его прицеле был, естественно, Максим, и то-

му ничего не оставалось как оббежать колесо с другой стороны, используя конструкцию в качестве баррикады. Приём сработал.

Расчёт Макса был примитивен: поезд просто расплющит о мощные опоры аттракциона, но тот оказался настолько крепким, что сумел нарушить устойчивость огромного сооружения. С протяжным стоном раненого чудовища, колесо сначала соскочило с центральной оси, вызвав новую волну падения корзин. В свою очередь, это крушение заставило рассыпаться множеству мелких перемычек и крепежей. Финальным своим па в этом предсмертном танце стал крен конструкции набок.

Макс бросился в сторону, чтобы после того, как аттракцион окончательно свалится, прийти на помощь Чернышенко. В душе ещё теплилась надежда на остановку полного обрушения. Оно зависнет в определенной точке, удерживаемое могучим сопротивлением металла, но надежды не были оправданы. С каждой секундой кинетическая или потусторонняя энергия все сильнее ускоряла падение. Макс успел увидеть фигуру Чернышенко в той самой кабинке и сразу после этого рухнувшие тонны железа подняли пылевую бурю. Макс не видел, как из этой завесы вылетело что-то тяжелое и стукнуло его по голове. Удар пришелся по касательной и не лишил Макса сознания, дав взамен жгучую боль. Он вскрикнул, покачнулся, прижав к ушибу руку. Ладонь была сухой. Перед глазами плыли разноцветные круги, ориента-

ция нарушилась.

– Максим! – раздался из серой пелены знакомый крик.

Согнувшийся в три погибели Макс пробирался на голос.

– Я тут! – отозвался он и горло мгновенно же запершило от залетевшей пыли. Видимость медленно возвращалась.

Макс увидел возле помятого остова отряхивающуюся мешковатую фигуру. Хотелось ещё раз крикнуть, но внутри гортани подкатил ком, заставив остановиться. Макс попытался шагнуть вперёд, но чувствовал, как его несёт в бок, неконтролируемо. Он всё-таки упал. Очень старался встать, но тело не слушалось, внутренний предохранитель не позволял.

Откуда-то сверху возник Чернышенко. Всё также довольно улыбаясь, он протягивал Максу фотографию.

«Ты безумный сукин сын» – хотел сказать ему Макс, но не смог – опять потерял сознание.

Глава 5. Свидание на кладбище

Вокруг лежал город. Замками—молниями растягивались в стороны железнодорожные пути, попыхивал трубой завод ОР (мало кто помнил расшифровку – Октябрьской Революции). На противоположном берегу реки рассыпались по холмам кубики домов частного сектора. Красота вида дала Макс несколько лишних секунд покоя, после того как он очнулся. Сей кругозор открывался из кабинки колеса обозрения, в высшей точке которого она сейчас и находилась.

«Фотография!» – мелькнуло в сознании и лишь затем восстановилась вся цепочка разрушительных событий. Макс высунулся наружу и увидел не те кадры, которые оставались в памяти.

Прекрасный тёплый вечер, прогуливающиеся по парку люди, стайка детишек внизу у кассы. С явно электронным, звучащим из динамика гудком, колесил свой маршрут паровозик.

Макс дождался приземления и осторожно вылез из кабины, ловя на себя любопытные детские взгляды. Да, мужчина, один катается на колесе, ещё и спал там. Конечно, запишут в классические пьяницы, грустно подумал Макс и пошёл в сторону своего автомобиля. Может, это знак приглашающий выпить?

Квартира встретила пустотой, необустроенной постелью. Типичная берлога холостяка, снова омрачилось сознание Максима. Вот сейчас пива добавлю и идеальная картинка. Оживший шаблон.

Разложив на столе пасьянс из купленных пакетиков пивной снеди, он, не спеша, открыл первую банку. Прожевал по очереди сушеного кальмара, острую чипсу, сухарик и пару орешков. Когда во рту стало одновременно сухо и жарко с наслаждением ливанул туда прохладной жидкости. Не успела волна еще дойти до желудка как в дверь позвонили. Сеанс гедонизма был сорван.

Совершенно не интересовало кто пришел. Скорее всего, кто-то неважный, вроде разносчиков рекламы, но Макс по привычке направился открывать.

– Привет, еле тебя нашёл! – на пороге стоял радостный Чернышенко. Он тяжело дышал и глаза светились от счастья, словно Макс был его самым желанным кладом.

– Ты...ты как? – вопрос никак не формулировался в единый. Макс осмотрел гостя сверху вниз: парень был в порядке, в той же одежде, может чуть припыленный. Однако, учитывая обрушение колеса это воспринималось нормально.

– Я вот принес. Тебе же эта штука нужна? – он полез в карман и выудил фотографию. Максим все также обалдело смотрел на него и ничего не понимал. Если тогда в парке это было помутнение, да чего там скрывать – галлюцинация, то она теперь вернулась?

Реальный или нет, но Чернышенко спокойно стоял в пороге, ожидая какой-либо реакции.

Разве в такой день могло еще что-то удивлять или пугать? Если это и правда из-за доктора – то в Ворошиловграде жил настоящий гений. Вольф, мать его, Мессинг отдыхает.

– Ну ладно, заходи, чего тут стоять, – Макс приглашающее отошел в сторону. – Хоть пить не в одиночестве буду.

Чернышенко с удовольствием уплетал сухари, с шумом прихлебывая пиво. Макс же цедил каждый глоток, погружившись в размышления. После второй банки думать было легче. Лишние мысли уплывали, голова становилась свободнее, как улица становится удобной и красивой, когда вечером с неё уходят люди. Никого не стесняешься, чувствуешь себя в личном мире.

На фотографии, принесенной новым другом, была дача. Одноэтажный кирпичный дом с резными наличниками на окнах. Во дворе разбит сад, к большой ветке дерева привязаны качели. В прошлом году Макс и Юля, через родителей, познакомились с одним человеком, который великодушно предложил им пожить летом на природе. Как сегодня это называют – эко-туризм. Молодые попробовали, им даже понравилось. Утреннее пение птиц, возможность выйти на воздух, не одеваясь в парадный мундир. Ощущение что за углом не дорога, магазин, а большой луг, заканчивавшийся лесом. Юле и Максу это запало в душу, заставив действовать. Они решили побеседовать с хозяином о покупке этого кусочка

природы. Прилегающая к дому территория поросла низкой травой, которая смотрелась и ощущалась ничуть не хуже газона. Санузел можно пристроить. В колодец кинуть насос – водоснабжение готово. Все эти планы строились уже давно. Переговоры прошли удачно, дача была куплена, но своих новых хозяев и усовершенствований она так и не встретила. Не доехали.

Макс рассказал про дачу Чернышенко. Почему бы и нет. Хоть убей, но этот чудак не источал опасности.

– Загородный дом – это круто – согласился тот. – Столько места побегать, погулять. Я был бы счастлив в таком жить, я тебе говорю.

– Да, неплохо, – согласился сам с собой и Макс. – Но почему мне видятся какие-то знаки, которые ведут меня туда, где я встречаю свою... жену.

Слово «покойную» ему не далось.

Чернышенко лишь пожал плечами.

– Вот и мне непонятно. Я уже и к врачу ходил... Или к советчику. Сам не знаю

Действия алкоголя усиливалось и в голове с удовольствием роились мысли, гипотезы, размышления, логические выводы. Все это лилось легко, как пиво в желудок. Макс начал понимать, почему писатели и прочие творческие люди так любят напитки крепче чая. Они действительно помогают. В обмен на твою нормальную жизнь.

Он снова проснулся в верхней одежде. Что снилось не помнил. Во рту был ужасный вкус, на голове пульсировал невидимый обруч. Макс встал с кровати, хрустнув чем-то под ногой. Опять эта газета рядом. Наклоняться сил не набралось, и новости пинком были отправлены подальше. И вот опять из зеркала смотрит опухшее лицо, по которому понятно, что нездоровое психологическое состояние и выпивка имеют примерно один и тоже эффект. Что теперь – дежавю? Оно тоже психологическое расстройство?

Он вспомнил про Чернышенко, но пройдясь по квартире не нашел никаких следов его присутствия. Ушёл, наверное, ну и ладно. Макс приготовил себе коронную чашку кофе, покосился на дверь холодильника с магнитами. Сегодня ничего нового ему не преподнесли. Макс чувствовал свою нужду в помощи. Он составил столько версий происходящего, догадок, подборок фактов, что просто тонул в них. Ему нужен был человек, который способен помочь навести порядок. Архивариус для разума. Разложить всё куда следует и выбросить мусор. Надо идти к доктору на отчёт.

– Расскажите про вчерашний вечер? – по-дружески поинтересовался Сергей Осипович, после того как они опустились в кресла.

Макс вздохнул, собираясь с мыслями.

– Переборщили с вином, – хитро улыбнулся Нонремов.

– Есть такое, но всё самое интересное произошло до этого.

Макс рассказал про парк и магазин. Главной повесткой было явления Юли (или её призрака). Разрушения, смертельная опасность, и навязчивый клоун как бы прилагались. Упомянул также и про Чернышенко. При этом он внимательно следил за реакцией психолога. В душе он надеялся засечь проблеск фразы «Ага, сработало!». Чувство подопытного, конечно, обидное, но не самое ужасное. Безвредное. Однако доктор задумался и начал процесс систематизации, которого Макс от него и ожидал:

– Значит, всё началось с того, что вы увидели свою жену?

Утвердительный кивок.

– Это произошло в тех местах где вы бывали с ней вместе?

Разделяли общие воспоминания?

– Да, – секунду подумав, ответил Макс.

– После того, как вы видите Юлю, мир вокруг пустеет, и вы остаётесь наедине?

– Да.

– И спустя некоторое время этот мир рушится всяким, простите за оксюморон, невообразимым образом.

– Именно.

«Он пытается меня убить», хотел сказать Макс, но посчитал это уточнение опасным уходом от темы. Вовлечёт Нон-ремова в ненужные раздумья.

– Ну, что я вам могу на это сказать, – уже привычным для Макса движением сцепив руки в замок начал доктор и сел ровно в кресле. – Похоже, что, попадая в памятные для

вас с Юлей места, Ваш разум подвергается сильному эмоциональному удару. Такому сильному, что он не соглашается с гибелью Вашей супруги. Происходит реконструкция опять же Вашей текущей точки в реальности. Сознание подменяет для Вас окружение, возвращает Вам жену, убирает всех лишних. Причем убирает, скорее всего, потому, что не может одновременно обработать настоящую реальность и созданную. То есть, не получается сделать спецэффект, где ваша супруга будет ходить среди покупателей. Я не слишком увлекся аллегориями? А то со мной бывает. Понятны мои примеры?

Медленно кивая, Макс соглашался. Где-то в потоке сознания проскакивали подобные выводы, но ему было необходимо услышать их со стороны,

– Ну а что касается разрушений, – доктор выдержал паузу. – Это, я думаю, срабатывает Ваше рацию. Ваши настоящие датчики из настоящего мира передают разуму реальную информацию, чтобы тот показывал все как есть. Возможно, вот этот переход между разными восприятиями реальности выражается у Вас в разрушении. Потому что процесс должен иметь какую-то форму, хоть какую-то. Может это менялись бы цвета или все превращалось бы в абстрактные контуры, вспышки, туннели. Знаете, я даже читал про искусственный интеллект компании Гугл. Так тому, во время обработки фотографий, тоже бывают видения. Результат между полученной информацией и уже обработанной.

«И программисты являются для него командой психотерапевтов, рассказывающих ИИ что и как» – мысленно пофилософствовал Макс, а вслух спросил:

– То есть все эти опасности мне, как бы, во благо?

– Нечто вроде этого. Оборона вашего сознания от коллапса.

– И это все... проходит или...лечится?

– Скажу вам универсальную отмазку всех специалистов по психике: область неизведанная и неконтролируемая. Никаких юридических гарантий, – они оба усмехнулись. – Но если серьезно, то Ваш случай зовется не иначе как шизофренией.

Это слово заставило Макса замереть. За последние сутки он не единожды пугался, но еще ни разу ужас так сильно не сковывал его тело. Шизофрения. Шизик. Диагноз. Звонок соседей и ты в психушке.

– Извините, что я так прямо, – доктор наклонился поближе к Максy. – Вы, наверное, сразу подумали про психбольницу?

Макс ничего не ответил, и Нонремов откинулся назад в мягкое кресло:

– Так вот направление я Вам давать не буду. Да, все шизофренические симптомы на месте, кроме одного, очень важного. Вы всё осознаете. Вы не считает произошедшее реальным, вам трудно об этом рассказывать, а это как раз признаки здорового ума или, говоря по-медицински – чистого со-

знания. Ваш случай – это некая уникальная форма депрессии, вызывающая галлюцинации, словно вы идете по границе двух миров: до смерти жены и после. Иногда шагнете не туда – и видите призрака. Моя задача, как специалиста, не столько отпугнуть Вас от неправильного пути, сколько научить возвращаться к ровной ходьбе, понимаете.

Слова доктора Максу очень нравились. Он почувствовал прилив сил, внутреннюю уверенность в правильности плана действий.

– И с чего же мне начать, доктор?

– Вы давно были на могиле жены?

Для Макса всё это находилось в тумане. Он ответил честно:

– После похорон вроде бы не был.

Нонремов встал с кресла и заходил по кабинету:

– Я считаю, что Вам стоит туда наведаться. Пока что триггером выступали знакомые вам обоим места. На кладбище Вы наверняка снова подвергнетесь воспоминаниям и снова у Вас будет видение жены. И я надеюсь, что у Вас случится нечто вроде тюремного свидания. Извините, лучшего сравнения не придумал.

Он остановился и посмотрел на Макса:

– Незнакомая, даже неприятная для вас локация может послужить безопасной комнатой, где будете только Вы и она. Ну это, конечно, если мои теории чего-то стоят.

Макс задумался и не нашел в этом плане ничего плохого.

– Хотите схожу с Вами? – предложил Сергей Осипович. – В сторонке могу погулять, само собой.

– Спасибо, доктор, честное слово спасибо, но я хочу сделать это сам.

Психолог понимающе покивал.

Погост раскинулся на холмах за городом. С самой верхней точки на траве виднелись разбросанные цветные лоскутки участков. Из-за неровностей ландшафта и проходящих сквозь холмы кряжей каких-то линий или секторов у кладбища не соблюдалось. Кто-то лежал на склоне, другой – в яру. Но им уже было неважно, лишь бы покой. Макс не спеша спускался по тропинке, покачивая купленным по дороге букетом.

«Иду на свидание» – абсолютно точно и правдиво резюмировал внутренний голос.

Он шёл по натопанной полосе посматривая на высокие заборы со стреловидными наконечниками и одинокие, заросшие травой, памятники. С эмалевых овалов на него строго смотрели владельцы могил. Было ощущение, что передвигаешься по архиву, просто ящики у всех разные. Макс думал о некотором виде парадокса, похожим на ситуацию с фотографией в паспорте. Ведь образ в документе смотрят только в присутствии самого человека. Какой тогда смысл делать для этого кадра специальную причёску, макияж и прочие украшения, если «оригинал» всегда стоит рядом с кар-

тинкой? Может даже получится обратный эффект «неузнавания». Примерно та же ситуация и с памятниками, посещаемыми родственниками умершего. Ведь они помнят его веселым, грустным, злым или бог знает каким, но очень маловероятно, что он всегда смотрел прямо и делал напряженное лицо.

Редко разбросанные деревья шумели на резком ветру, который хозяйничал в степи и почти никогда не угасал. Макс подошёл к очередному скоплению захоронений и задумался. Вновь напряг память. Ну здесь же вроде хоронили. Большое дерево, накатанное пятно, где разворачиваются машины. Черт, как же так.

Макс даже похолодел от крамольной мысли. Его так настигло горе, что некоторые части памяти просто стёрлись. Может он уже не помнит что-то ещё? Зашагал по лабиринту между оградок, читая таблички. Как выглядит памятник он тоже не сумел найти в воспоминаниях. Почему он вообще пришёл именно в эту точку? Вот сейчас память услужливо подсказала: здесь похоронены родители Юли, и Макс был на их могиле только однажды. За несколько лет до их свадьбы произошла трагедия, скорее всего связанная с пищевым отравлением. Деталей, насколько помнил Макс так и не узнали. В один вечер и мужчине и женщине резко поплохело, одновременно. Увезли в больницу, где через несколько часов её отец скончался. Мать пролежала в коме еще неделю и пошла вслед за мужем. Полетела. Гршили то на сметану,

то ещё на что-то. Факт был твёрд в своей безжалостности — Юля осталась сиротой. Оставались у неё где-то родственники, но не в этом городе. Однажды, во время визита на кладбище, она сказала, что в конце своего жизненного пути хотела бы лежать рядом с родителями.

Разве мог я похоронить её в ином месте, спрашивал себя Макс, сканируя взглядом одинаковые белые прямоугольники, с информацией и нарисованными гвоздиками. Сердце бешено колотилось от страха, стыда, чувства совершенной ошибки. Поиски, выглядевшие со стороны метаниями заблудившегося в лесу, окончились неудачей, он не нашел искомый клочок земли. Возле того самого большого дерева, служившего ориентиром, лежал кусок спиленного ствола, который мог служить табуретом. Судя по валившимся рядом бутылкам, наверное, еще и столом. Нужно было как-то успокоиться. Макс присел на него и опёрся спиной на широкий ствол. Он думал о недалеком будущем. Что делать дальше. Найти конторы, занимающиеся похоронами, не так уж их много. Обзвонить, поспрашивать, где и когда хоронили такую вот девушку. Да, будет выглядеть, мягко говоря, странно. Подумают, что с головой не в порядке. И будут, в принципе, правы. Переживания утомили Макса гораздо сильнее ходьбы. Солнце пригревало, заставляя зажмуриться. В темноте думалось легче, птичьи голоса создавали приятный звуковой фон, ветер не давал телу перегреться. Максим и не заметил, как уснул

Он шёл по степи. Цвел ковыль и холмы казались покрытыми тканью, которую треплет ветер. Извилистая лента грунтовой дороги уходила вниз, и там наверняка раздваивалась. Макс знал, что Юля тоже где-то рядом. Чувствовал. Он обернулся и поискал ее взглядом. Степь выглядела по природному чистой.

– Юля! Юль! – крикнул Макс, озираясь.

– А? Звал меня? – её голос выплыл слева. Секунду назад ее там точно не было, а теперь она медленно, наслаждаясь каждым шагом вышагивала рядом.

– Да потерял тебя. В открытой степи, – улыбнулся Макс. – А это же тут кладбище недалеко да?

– Не надо тебе думать о смерти, – ответила Юля. Спокойно, как ответила бы «Ага. Ты прав»

Макс нахмурился:

– В смысле?

– Не хочу видеть тебя на кладбище.

– Юль ты чего? – Макс даже остановился и обернулся к ней. Никого рядом уже не было.

– Ты звал меня? – раздался теперь голос из-за спины.

Макс резко развернулся и увидел Юлю метрах в двадцати от себя, уходящую вдаль.

– Юль! Юля! Да подожди! – Макс ускорил шаг. – Почему ты исчезаешь?

Шаг был еще ускорен и Макс слышал свое учащенное ды-

хание. Как бы он ни старался, но расстояние не сокращалось, а ровно наоборот – растягивалось. Максусу казалось, что его ноги на беговой дорожке и невидимый безумный механизм, скрытый под травой, уносит Юлю вдаль тем сильнее, чем Макс работал ногами.

– ... фотографию... – донеслось до его слуха. Все окружение вместе с травой, могилами и деревьями уехало, словно невидимый великан стягивал весь мир как огромную скатерть. Макс не удержался и упал. Земля продолжала уноситься вдаль, и он хватался за все, что попадалось под руку. Небо почернело. Сзади на Макса наступала тьма, сплошная, поглощающая. Страшная. Несмотря на все усилия, окружение в буквальном смысле ускользало от него. Ещё немного и его стряхнет в чернильное небытие. Увидев неизбежное падение во тьму Макс напрягся, зажмурился и...

... открыл глаза. В спину больно давила кора дерева, тело холодило от пота. Сон все ещё четко держался в голове. Он встал и побрёл в сторону дома. Букет оставил на одной из могил, которая выглядела самой заброшенной. Может здесь тоже живет призрак, только навещать ему некого. Уже дойдя до границы этого царства мертвых с миром живых, Макс достал из кармана телефон.

– Алло, Сергей Осипович? Да, это Максим. Я хочу попросить Вас съездить со мной в одно место.

Глава 6. Дачные заботы

Большую часть пути до дачи Макс потратил на рассказ психологу. Проезжая окраинные громады кварталов, поведал про забытое место захоронения. Когда за окном быстро замелькала, расплываясь, степь – про очередной сон и разговор с Юлей. Нонремов похвалил Макса за открытость к решению проблемы и заверил, ему не то, что не в тягость, а даже интересно побыть рядом, как специалисту.

– Глядишь напишу научную работу благодаря Вам, – пошутил он.

– Да ради Бога, док, – легко ответил Макс. – Сейчас главное, чтобы я не забыл дорогу к нашему домику...

Дача выглядела как на картинке, на той самой, из парка. Она понравилась тогда им обоим тем, что была непохожа на современные дачи. Ведь многие из них представляют собой пёстрое полотно, сшитое из кучи одинаковых по размеру и, очень похожих по наполнению, кусочков. Дело было не в личных амбициях, мол посмотрите сколько *лично* у меня земли. В данном случае исчезало чувство уединения, некоей природной чистоты. Выйдешь во двор, в простой домашней одежде, не думая, что кто-то в десяти метрах есть рядом с тобой, что с другой стороны орёт музыка из старых коло-

нок старого автомобиля, что можно, в конце концов, куда-то пройтись, вперёд или в сторону. Может библейское предание о чудесном саде не такое уж выдуманное, иначе откуда у нас тяга походить в одиночестве по лесу, в скалах или поле, где самым большим разочарованием будет встретить еще одного человека.

Этот участок полностью удовлетворял внутреннюю философию Макса, и насколько он знал, Юли тоже. Огромный, около двух гектар кус земли, с трех сторон окруженный деревьями и плотными стенами терновника. Сам двор порос низкой красивой травой. Даже без ухода он не выглядел одичавшим. Дом не был прямо уж крошечным, лишь бы переодеться, но и без изысков. Обычный кирпичный куб с крышей, покрытой шифером. В стенах – деревянные рамы с наличниками. Остроконечным грибком торчал колодец, а чуть позади дома стоял покосившийся дощатый сарай для инструментов. Несмотря на обособленность участка, было проведено электричество. Бывший владелец потрудились, вкопав добытые, неизвестно где, старые столбы. По ним к даче был протянут кабель от основной линии, шедшей в паре сотен метров. Как сие чудо сохранилось в такой уединенности Макс не знал. С запада растеклась лужа тех самых шестисотковых владений, но, видимо, прилив иссяк и движение остановилось.

– Хорошо то так, – выдохнув полную грудь местного воздуха сказал Нонремов. – Я Вас ещё благодарить должен, что вытащили меня на природу. Давайте я хоть сумку понесу.

Они забрали купленную на случай задержки снедь и зашагали к дому. Дверной замок легко открылся, узнав своего хозяина. Макс ожидал, что на него пахнёт затхлостью, пылью, но помещения ощущались так же приятно, как и в первый их с Юлей приезд. Он покосился на доктора. Тот с любопытством осматривал внутреннее убранство и никаких признаков брезгливости не выказывал.

Жилье Максу досталось уже с интерьером. В зале висело две картины: один холст с прогуливающимся на поляне оленем и нечто вроде панно, изображавшее корабль в открытом море. Ещё тускло поблескивала чеканка. В углу стоял неизменный человеческий спутник – телевизор. Старая модель, огромный деревянный короб, в который, как в стол, вкручивались ножки. Экран заботливо прикрывала вязаная салфетка. Диван, два кресла, половичок – такое называют «заходи и живи». В коротком коридоре, загораживая половину прохода, теснилось пианино. На кухне был пусть и старый дребезжащий, но рабочий холодильник.

– Ну вы устраивайтесь поудобнее, доктор, – Макс махнул рукой сначала на зал, затем на кухню, давая психологу выбор. – Я схожу посмотрю, как тут с электричеством. На стене где-то был щиток.

Металлический ящик со счётчиком действительно спокойно висел, укрытый лозой дикого винограда. Макс рывком открыл дверцу и уже протягивая к электрическому ру-

бильнику руку, задумался. На что он рассчитывает этим визитом? Получится ли у него почувствовать всё, что ощущалось раньше, в присутствии Нонремова? Но тогда он также был не сказать, что один – ведь в парке и магазине присутствовали люди. Главное – он в мыслях был один. Знал, что сейчас за ним никто не наблюдает и мог позволить уйти в себя. Моментами появлялось чувство некой обязанности, ответственности. Он ведь участник эксперимента или лечебной процедуры и должен как-то действовать. Но альтернатива сойти с ума в одинокой квартире его пугала. Макс видел одного городского сумасшедшего, который любил выскочить на проезжую часть и грозил машинам кулаком, со злостью посылал им вслед пинок ногой. Причем это не был какой-то спившийся оборванец, а вполне прилично одетый мужчина. «Вот так и я могу стоять посреди магазина и отмахиваться от монстров», попытался пошутить сам с собой Макс, но веселье не включалось. Зато без всяких проблем включилось электричество.

Нонремов уже тоже был во дворе – набирал воду из колодца.

– Вы уж извините, что хозяйничаю – весело сказал он, энергично вращая ручку, – не привык сиднем сидеть, когда другие работают. А может просто устал сидеть на работе, организм требует движения. Фух.

Он с довольным видом достал ведро и направился обратно в дом.

– Итак, Максим, мы с Вами сейчас, что называется, совмещаем приятное с полезным: отдыхаем на природе и занимаемся психоанализом, – сказал психолог, когда стаканы были ополоснуты, сырноколбасный натюрморт разложен и бутылка разливного пива ждала своего открытия. Макс сначала испытывал смущение за любовь к такому слишком народному напитку, предложив взять вина. Нонремов же убедил его, что нет ничего хуже наигранности, особенно в тот момент осмотра темных уголков души и разума.

– Честно говоря, расслабленности пока не ощущаю, – признался Макс.

– Это поправимо, – успокоил доктор наливая тихо шипящую пенную жидкость в стаканы. – Мы с вами попробуем легкий вариант гипноза, так сказать, пошаговый.

– Гипноз? – заинтересовался Макс отхлебывая пива.

– Чейчас изожу вам, – сказал Сергей Осипович прожевывая кусок колбасы и сыра одновременно. – Для начала, Вы просто расслабитесь и активизируете свои воспоминания. Как вы здесь бывали с супругой, где гуляли, разговаривали, кушали. Я буду наблюдать за происходящим. Вы же постарайтесь не думать обо мне, это может все разрушить. Если этот план не удастся – попробуем уже медицинский, так сказать, гипноз. Мне просто очень интересно посмотреть, как у вас самого это получается.

– Стоит, наверное, за это выпить? – не так чтоб уж бодро,

предложил Макс и кисло усмехнулся.

Нонремов не отказался.

– Знаете, Сергей Осипович, – смотря мимо собеседника медленно проговорил Максим, – что меня иногда пугает? Очень сильно.

И не дождавшись ответа продолжил:

– Мне становится интересно, в плохом смысле интересно, а каков мир на самом деле? Ладно все эти видения с Юлей, но вдруг это просто первый раз, когда я заметил что-то неправильное? Может быть, я видел какие-то другие события, которых не было, или наоборот – не видел происходящего. Воспринимал людей такими, какими хотел, не видя их реальные стороны. Да вообще вся моя сознательная жизнь, все что я приобрел как уже человек разумный, может быть поставлено под сомнения. И быть просто бредом сумасшедшего, – он запил эту мысль несколькими крупными глотками.

Нонремов уважительно покивал, с хрустом умял несколько чипсов и прихлебывая пиво прокомментировал:

– Ваши суждения вполне логичные и правильные, особенно с точки зрения философии. Может я ошибаюсь, религии не мой конёк, но, кажется, в буддизме считается, что вообще весь сущий мир – это лишь столб белого света и не более. И когда каждый из нас рождается, он преобразует этот свет в свои индивидуальные образы, то есть видит мир по-своему. Согласитесь, что особенно с нравственной или художествен-

ной, в общем, каких-то нематериальных сторон, эта концепция очень даже правдива. Например, кому-то нравится абстракционизм в искусстве, а другой считает это непонятной мазней. Сосед из одной квартиры поддерживает речь президента из телевизора, а сосед этажом ниже негодуяюще осуждает. Или приведу Вам интересную цитату, тоже религиозную, так уж получилось. «Мы смотрим в Библию весь день, ты видишь свет – я вижу тень». Уильям Блейк, если не путаю, поэт. Неважно. Да взять ту же «Матрицу», которая тоже очень явно заигрывает с такими концепциями.

– Но...это как бы не считается нормальным.

– Ну, то, что инакомыслящего сочтут дурачком – это само собой. Это уже переход из психологической сферы в социальную. Для общества главное определить, опасен данный индивид или нет. Если страха нет, то его как правило, ещё и жалеют.

– Доктор, если я схвачусь за топор, то очень постарайтесь убедить меня его бросить.

– Не сомневайтесь. Это же в моих интересах. Подлить вам еще пива?

Они немного поболтали о всякой ерунде, которую доктор умело подбрасывал в костер беседы. Бутылки с пивом пустыли, время тоже утекало, оба собеседника, судя по мимике и развалившимся позам, чувствовали себя расслаблено.

– Ну что же, Максим, давайте, – улыбнулся Нонремов. На «ты» он переходить отказался, мотивируя, что такое сближе-

ние ухудшит качество наблюдения экспериментов. – Окунитесь в свои воспоминания.

Макс прикрыл глаза, погружаясь в себя. Это напоминало включение старого киноаппарата. Вот фильм начался. В первых эпизодах они с Юлей заходят в дом, осматриваются. Это было сразу после приобретения. В тот день они как раз завершили сделку и не терпелось тут же испытать чувство хозяйствования. Будучи даже лендлордом дачного масштаба, бывает смотришь на кусок земли, и тебя мягко возносит ощущение, что вот оно место, где будут только приятные тебе люди и вещи. Супруги прилетели на крыльях радости и не знали куда себя деть. Какие-то кадры выскакивают и повествование идет рывками. Они решают всё отсюда вынести и как следует убрать в помещении, вымыть полы и окна, почистить ковры и мягкую мебель. Далее действие переходит на кухню, где Юля критически осматривает древнюю электроплитку, немного брезгливо трогает ставшую липкой от старости скатерть. Затем, её внимание переключается на деревянный, с облупившейся белой краской, буфет. Макс возле колодца набирает два ведра воды. Вот они начинают с перемывания найденной посуды и поверхностей...

Макс плавно открыл глаза и увидел лицо Нонремова, на котором отражались изумление и напряженность. Он застыл словно кот, увидевший спящую впереди на пути собаку. Расспрашивать его о причинах такого состояния Макс не успел –

со стороны кухни раздался звон упавшего стакана или чашки.

Оба мужчины встали и медленно пошли на звук. Макс уже приготовился увидеть Юлю, но кухня была пуста. На полу валялся невесть каким образом выпавший из того самого буфета стакан.

Нонремов покосился на Макса, как бы спрашивая: «И это всё?». Тот сам не до конца ещё понимал, является ли этот стакан каким-то знаком ли просто стечение обстоятельств. Говоря иначе – причастен ли Макс к этому событию? Разобраться не успели. Со двора донесся скрип колодезного подъёмника. Ноги сами понесли из помещения.

В этот раз Юля была там и Макс испытал облегчение. Ведь он звал и звал её и все-таки сумел докричаться до воспоминаний. Как и в прошлые разы, его жена подрагивала, будто голограмма. Она присела на край колодца, откинула с лица упавшие волосы. Макс не спеша, чувствуя себя ребёнком, крадущимся к бабочке, приближался к Юле. Психолог пока не двигался.

– Привет, – только и смог вымолвить Макс подойдя на расстояние не более десяти шагов. Юля ответила лёгкой улыбкой, которая могла обозначать тысячу разных слов, но все они были приятные. Все для него.

Максу хотелось просто стоять и смотреть на неё. В теку-

щий момент из всех этих реальных и нереальных миров образовался тот, в котором ему нравилось, пускай он и ограничивался лужайкой возле дома.

– Помнишь, как я их забыла? – внезапно сказала Юля и внимательно посмотрела Максу прямо в глаза.

– Что забыла? – нахмурился он. – О чём ты говоришь? Юль, я...

Внезапно он понял, о чём речь. Воспоминания реконструировались с необычайной быстротой. В один из последних, или даже последний визит Юля забыла здесь папку с документами. В тот период завершилась долгая эпопея с получением Юлиного наследства. С квартирой вроде бы все шло нормально, но ещё оставался и гараж. Супруги долго советовались, ругали исполнительные органы, решали, как быть. Не раз мелькала мысль бросить этот гараж к чёртовой матери. Находился он далеко в кооперативе, за чертой города, не очень хотелось ехать из гаража домой на маршрутке. Но всё же терзало Юлю какое-то чувство и Макс это видел. Все-таки этот кирпичный бокс был для неё немного памятным, хранящим часть духовной энергетики родителей. Макс видел, как ей непросто от него отказаться и борьба продолжилась. В итоге административный бастион пал и Юля стала полноправной собственницей. Уголки рта Макса тронула улыбка от этих воспоминаний. Да, Юля забыла бумаги где-то в доме, кажется, в спальне.

– Помню, – продолжая растягивать рот в ухмылке, сказал

он. – Я даже вспоминаю, как ты лихо так, по–хозяйски зашла и...

– Максим, осторожно! – раздался сзади крик психолога. – Бегите к дому! Скорее!

Макс удивленно оглянулся на Нонремова, отчаянно призывающего его взмахами руки. Перевёл взгляд на другую сторону и понял источник опасности. Участок окружал старый, покосившийся штакетник, в траве возле которого валялись двое граблей, вилы, лопата, тяпка и непонятный до конца инструмент, по–видимому мотыга. Эту инвентаризацию Макс провел наблюдая, как они поднимаются всё выше и выше. Это сильно смахивало на хитрый фокус с левитирующими объектам. Парень знал, что если это вновь изменилась реальность, то и фокус опасный. Макс рванул ко входу, успев бросить взгляд на колодец: Юлия так и сидела с безмятежным выражением на лице, но её фигура стала чаще моргать, словно теряя сигнал. Они с доктором захлопнули за собой дверь и перевели дыхание.

– Ну знаете, – начал было Нонремов, но его прервал звон разбившегося окна, в которое влетела лопата. Шанцевый инструмент вонзился в экран телевизора. Однако окон в зале было два. Инстинкты тут же прижали тело поближе к стене, подальше от зоны поражения и не зря. Второе стекло сокрушила та самая мотыга и на излёте снесла стол с их ужином. Нонремов стоял ошалевший, не понимая, что делать. С

улицы раздался высокий, распевающийся мотора, как бывает, если дают полный газ. Захлебываясь, невидимый аппарат резко приблизился к дому и в следующий момент входную дверь толкнуло так, что она сбила стоящего у неё психолога. В проёме краснела потертыми боками газонокосилка. Она тряслась от высоких оборотов и грозно порывивала, пригизывая. Макс тут же захлопнул дверь, но упрямая машина толкала её вовнутрь.

– Доктор, подоприте чем-нибудь вход! – крикнул он стоящему в прострации Нонремову.

Его вопль сумел отрезвить специалиста по психике. Вскочив на ноги, Сергей Осипович со скрипом подтащил кресло, упер спинку в дверь. Косилка продолжала ритмично штурмовать проход, но обе загнанные жертвы облегченно выдохнули.

– Вы знаете, – переводя дыхание сказал доктор, – впервые в жизни у меня накопилось столько вопросов к пациенту, что не знаю какой задать в начале.

– Успеете задать все, – Макс вдруг пристально посмотрел в разбитое окно и добавил, – если выберемся.

В пробитую дыру медленно, на манер ос, всплыли вилы и грабли. Зависнув над полом, они немного покрутились на месте. Оглядывались.

Взгляд Макса искал какой-либо щит. «Неужели наследие предков-воинов» мелькнула совсем некстати мысль.

– Валим отсюда! – крикнул Нонремов и потащил Макса

за рукав в сторону кухни.

Сленг из уст доктора звучал как мат от школьницы – дико и забавно. Несколько шагов – благо не дворец олигарха – и вот кухня, в которой самое ценное сейчас – это дверь. Но, не тут-то было. Неведомая рука с силой вытолкнула холодильник прямо на проход, и бедняга психолог второй раз за вечер оказался откинутым на пол.

– В спальню! – скомандовал Макс, и они ринулись влево. Вход туда был закрыт, изнутри доносился грохот и скрип по полу. Макс плечом навалился на дверь – не поддается. Значит, там уже выстроена баррикада. Снова лишняя, но правдивая мысль о том, почему же хозяин не сделал двери открывающимися наружу. Вилы были уже маленьком узком коридоре. За ними зловеще покачивались грабли. Медленно они плыли на Макса, готовясь к решительному удару. Макс подергался чуть влево–вправо, и садовая утварь повторила его маневр. Они были зажаты в ловушку. Макс уже представлял себе, как будет уклоняться от укола или пытаться схватить этот острый кошмар руками.

Со стороны зала снова раздался хруст стекла и стук. Подкрепление? Ножи, пилы или что тут еще есть в дачном арсенале.

Секунду спустя в коридор ворвался Чернышенко.

Первым делом он схватил левитирующие грабли и со всего размаху обрушил их на вилы. Грабли сломались, но вилы выдержали. Не дав им опомниться, парень схватил их за

держак и, собрав всю свою энергию, воткнул в деревянный пол. Его глаза горели огнём, грудь вздымалась. Макс давно не видел людей в такой искренней ярости, которая сжигала их страх и осторожность. Чернышенко схватил подрагивающий обломок граблей, выскочил обратно в зал. Вернулся с пустыми руками, улыбающийся.

– Не бойтесь, – он весело смотрел на обоих мужчин. – Остальных во дворе я кое–как утихомирил.

«А машинка», – хотел спросить Макс, но тишина подсказала ему, что и это уже не проблема. Он позволил себе расслабиться, опереться спиной на ту самую закрытую дверь и даже улыбнуться.

– Максим, я сейчас очень тщательно думал, – ожил рядом Нонремов, – какой же всё–таки Вам задать вопрос.

Он покосился на Чернышенко и перевёл взгляд на Макса. Тот, улыбаясь, вопросительно вскинул брови.

– Как вы отнесётесь к диагнозу, что у Вас есть сверхспособности?

Вся троица снова переместилась в зал, приведя его, насколько возможно, к первоначальному виду после всех событий. Кресла сдвинули, образовав нечто вроде кабинета Нонремова.

– Итак, уважаемый пациент, – начал спокойно Сергей Осипович, глядя на Макса и изредка на севшего прямо на пол Чернышенко, – что я могу сказать Вам по поводу про-

изошедшего. Первое – это полное безумие.

Макс кислогато улыбнулся.

– Теперь второе, но куда важнее первого. Мне кажется, Ваше воображение имеет связь с реальностью. Когда Ваш разум входит в определенное состояние, то окружение меняется. Триггером к такому состоянию разума является Ваша личная трагедия, ведь именно воспоминания о ней порождают все эти... – Нонремов неопределенно помахал рукой, – явления. Еще важный момент: все Ваши же действия направлены против Вас самого. Если помните, я предположил, что это некая защита разума, предохранитель, который не дает Вам полностью заместить Вашу настоящую жизнь той, что вы создадите.

– И конечно, научного объяснения этому нет?

– Ну почему же. Околонаучное, как минимум. Что если Вы – очень мощный телепат. Настолько могучий, что воздействуете на всё в определенном радиусе. Точнее – на всех. Заставляя их видеть то же, что и ваши глаза. Может мы на самом деле сами бегали с вилами, но видели то, что видели.

– Я уже даже не знаю, что сказать, доктор, – вздохнул Макс и устало потёр лоб. – Казалось бы я сейчас должен чувствовать себя так круто и возвышенно. Ведь я не такой как все, могу то, что не могут другие... но не чувствую этого.

– А что чувствуете?

Макс помолчал, прислушиваясь к внутреннему голосу.

– Мне страшно. Не до жути, но меня все это... смущает.

Я не знаю, как мне дальше, как жить с этим... даром? Н-да, дар... Что, если я нанесу кому-то вред, ведь я не контролирую все эти, как вы называете, «явления». Да куча вопросов в голове и все не самые приятные.

– Понимаю–понимаю, – закивал Нонремов и тоже помолчал. – Но не спешите впадать в депрессию. Насчет того, что навредить, до конца всё непонятно. Вы ведь говорили вроде бы парк и магазин потом пришли в норму? Значит, Ваше воздействие избирательно. По какому принципу, конечно, тоже не понятно. Я, например, всё очень хорошо почувствовал.

В зале послышалось тихое посапывание. Оба мужчины удивленно повернулись на звук, обнаружив так и уснувшего сидя Чернышенко, прислонившегося к дивану.

– Ваш юный друг тоже занятный персонаж, – не сводя с парня взгляда заметил Нонремов. – Простите за прямоту, но он вполне подходит на роль потенциального пациента психиатрии.

– Знаете, он, конечно, странный, и не будь всего этого, что происходило, я бы точно позвонил врачам. Но... я не чувствую от него опасности. Знаете, бывает видишь спокойного, нормального человека, без признаков шизофрении. Но смотрит или двигается эта личность так, что становится неуютно, чувствуешь мурашки по коже и неприязнь. Не хочется, чтоб такой человек оставался с тобой наедине. А с Чернышенко у меня такого нет. Не излучает он опасности, хотя ведёт себя

как придурок.

– Может быть он тоже непостижимым пока образом создан Вами? – заметил Нонремов.

Смотря куда-то мимо доктора Макс лишь пожал плечами. Оба снова замолчали. Сергей Осипович пошарил взглядом и выудил с пола бутылку пива. Жестом предложил Макс и увидев легкий кивок наполнил бокалы. Просто картина: сидят двое джентльменов и молча потягивают пиво, пока за окном оранжевое небо успокаивает окружение, готовя его ко сну.

– А может мне и правда надо в больницу, – первым нарушил молчание Макс и посмотрел на психолога.

Тот закатил глаза, словно прикидывая все за и против. Отыскал в пакетике сухарик, не спеша, с хрустом его разжевал, и лишь запив всё большим глотком пива, резюмировал:

– Может быть, но не сейчас.

– Спасибо, доктор, умеете Вы обнадежить.

– Врачебная этика, – развел руками Нонремов. – Мне как-то врач долго рассказывал про анализы, которые надо сдать, затем их изучить и лишь в конце буднично добавил – ну и мы Вам это дело вскроем и почистим. Ну да то совсем другая история, вернёмся к Вам. Я не буду прикидываться и снова скажу про свою заинтересованность в наблюдении за Вами. Не хочу отдавать такой случай другому, простите за грубость, но так понятнее и легче усваивается. Во-вторых, мне Вас по-человечески жалко. Ведь вся эта текущая ситуация и

так не дает Вам покоя, а попади Вы к исследователям, то ваша личная жизнь исчезнет. Не хочу, чтобы Вас превратили в лабораторную крысу. Здесь то и вины врачей особо не будет – им надо разбираться в деле, а это всё опыты, наблюдения, выводы. В психиатрии такое исследование может длиться годами. А если не найдут как это гасить – то всю жизнь. Пока есть шанс вам помочь – лично я буду его использовать. Тем более не стоит даже упоминать телепатию или что-то такое. В конце концов, моя задача не Ваши способности и наносимый вами урон реальности. Моя цель – устранение причин.

Нонремов замолчал и снова пустился на поиски чего-то съедобного на столе. Макс почувствовал облегчение. Схожее чувство испытываешь, например, когда приходишь на новое место и не знаешь к кому обратиться. Но как только понимаешь, что ты не один такой – становится легче, хоть проблема и не решена.

На радостях Макс тоже осушил оставшееся в стакане пиво и бодро спросил:

– Каков тогда наш план, Сергей Осипович?

– Тут как в детективе, Максим, нужно задать вопрос – кому выгодно. То есть – что является катализатором ваших способностей. Я имею в виду конкретный ли это стресс вызванный кончиной Вашей супруги или просто определенное состояние организма, баланс гормонов, образы в голове. Тогда может быть мы приблизимся к догадке, кто или что за этим стоит.

– Ну, пока всё связано именно с ней, – Макс включился в обдумывание. – Всё происходит в памятных для нас местах.

– Места, – пробормотал Нонремов. – Места, фотографии, вещи...

– Папка! – внезапно воскликнули оба, разбудив Чернышенко. Тот резко поднял голову и сердито посмотрел только на психолога.

Дверь в комнату открыли не сразу. Та самая сила, видимо, сдвинула ко входу кровать. Ломать ещё неплохую вещь не хотелось. Макс сбегал в сарай, нашёл там лом. С пыхтением и каплями пота на лбу, троица кое-как сняла дверь с петель.

Папка спокойно лежала себе на прикроватной тумбочке. Макс открыл ее и зашуршал листами бумаги.

– Это документы на гараж, – хмурясь пробормотал он и посмотрел на доктора. Тот молчал, ожидая объяснений и Макс быстро пересказал ему историю с наследством.

Нонремов обдумал услышанное и резюмировал:

– Похоже, что нечто внутри сознания ведет Вас по определенному маршруту. словно это какие-то контрольные точки вашей жизни, связанные с супругой. Каждая новая такая точка даёт указание на следующую. Как в компьютерной игре.

– Вот только цель этой игры пока непонятна, – задумчиво ответил Макс.

– Это да, – согласился Сергей Осипович, – но увы, приходится пока идти в тумане. Теперь мы хотя бы готовы к опас-

ности. Другого пути у нас, даже точнее – у Вас – нет.

Глава 7. Космос в гараже

Гаражный кооператив раскинулся маленьким городком, со своими улицами и переулками. Покружив пыльными дорогами, путники нашли цель в тупике, который как раз образовывался искомым 626–м номером, замыкающим между собой два ряда строений. Нонремов предложил оставить машину раньше, не заезжая в конец «улицы», чтобы потом не мучаться со сдаванием задом. Троица вышла из автомобиля, осматриваясь, будто туристы из автобуса. Практически все гаражи, включая нужный, были закрыты, за исключением номера 624.

– Что-то чувствуете? – поинтересовался психолог, когда они подошли к 626–му. – А то может нам на всякий поискать укрытия?

Макс не ответил. Сам не мог понять, что он ищет. Потрогал ворота с облупившейся синей краской, прикрыл глаза – никакого эффекта.

– Ключа, я так понимаю, нет? – Нонремов тоже окинул взглядом ворота. Чернышенко тем временем обошел все ближайшие боксы и задержался у открытого.

– Чем-то помочь, ребята? – вместе с голосом из полумрака появился и хозяин строения. Если бы художника попросили изобразить классический гараж и его обладателя – он

бы нарисовал именно это место и ситуацию. Абсолютная чистота на окружающих метрах. К стене прислонилась лавка из старых шин и доски, накрытая любовно ухоженной вишней. К стволу проволокой прикручена перевернутая пластиковая бутылка с водой. Рядом примостилось старое ведро для мусора. С внутренней стороны открытой двери ровными рядами висели «системы хранения» из обрезанных бутылок из-под бытовой химии. Нельзя сказать, что все владельцы гаражей выглядят одинаково, скорее наоборот, но вот чувство уверенности в себе, хозяйского спокойствия выдавали местного старожилы.

– Да вот гараж вроде как мой, – Макс старался говорить просто, но мысли витали где-то в стороне. Он ждал события. Что-то должно случиться. – Приехал посмотреть, что да как, ключи правда... забыл дома.

– Купили? – спокойно спросил мужчина, подходя к самодельному ручному моему.

– Нет, жене в наследство достался. Возни много было с документами, но и бросать не хотелось.

– Помню–помню, – дружелюбно улыбнулся сосед, отряхивая руки. – Приезжала сюда, смотрела, спрашивала у меня, как гараж.

– Вы с ней говорили? – встрепенулся Макс, но видимо больше внутренне.

– Да, пообщались. Я сказал, что гаражик хороший. Яма сухая, крыша тоже не течёт, стены не треснули. Побелить,

покрасить и чего еще надо? Хотите посмотреть?

– Да ключ же забыл...

Мужчина молча вернулся в свой гараж, звякнул чем-то железным и возвратился, поблескивая металлом в руке.

– Мне ещё сам владелец оставлял на всякий. У него мой тоже кстати был. Хотите отдам Вам, или замок поменяйте если сомневаетесь, – он посмотрел почему-то на психолога.

– Да я что, спасибо и так...

– Ну пойдёмте, сосед.

Замок открылся легко, впустив первыми свет и четыре длинные тени.

– Ну вот оно, ваше владение – сказал сосед с видом продавца в автосалоне.

Стандартный интерьер: в ближнем углу стол, с гирляндой инструментов и баночек над ним. В дальнем – старый платяной шкаф. Вдоль стены пара канистр. Пол устелен лентой от шахтного конвейера. Чернышенко сразу подбежал к шкафу, внимательно его осмотрев, чуть ли не обнюхав.

– Располагайтесь, в общем, – добрый хранитель ключа покосился на Чернышенко и прохаживавшегося психолога. – Если что – я буду у себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.